

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

СЕДЬМОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ СССУ.

1896.

М А Й.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева и К°. Наб. Фонтанки, 95.

1896.

СОДЕРЖАНІЕ.

Правительственныя распоряженія	3
В. И. Модестовъ. Образованіе римской расы и условия римскаго величія	1
Д. Н. Кудрявскій. Пріемъ почетнаго гостя по древне-индійскимъ правиламъ домашняго ритуала	28
И. Э. Лейкфельдъ. Логическое ученіе объ индукціи въ главнѣйшіе историческіе моменты его разработки (<i>продолженіе</i>)	61

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

В. Н. Ренисенкампфъ. <i>H. M. Коркуновъ</i> . Пропорціональные выборы. С.-Пб. 1895	98
Н. Д. Четунинъ. <i>Simon Askenazy</i> . Die letzte polnische Königswahl. Inaugural-Dissertation. Göttingen. 1894	111
Д. Н. Никольскій. Собраніе трактатовъ и конвенцій, заключенныхъ Россією съ иностранными державами. <i>Ф. Мортенсъ</i> . Томъ XI трактаты съ Англією. 1811—1831. С.-Пб. 1895	117
Е. О. Карскій. Новыя труды по бѣлорусской этнографіи (за 1895 г.)	153
И. Я. Новое сочиненіе по Кирилло-Меводіевскому вопросу	163
Ө. Ө. Зигель. <i>W. R. Morfill</i> . The story of Poland. New York G. P. Putnam's sons. London. T. Fisher Unwin. 1893	195
— Книжныя новости	216
— Отчетъ графа П. А. Капниста о поѣздѣ, совмѣстно съ профессоромъ Шварцемъ, лѣтомъ 1894 года въ Германію и Францію для ознакомленія съ нѣкоторыми учебными заведеніями этихъ странъ (<i>продолженіе</i>)	1
— Наша учебная литература (разборъ 9 книгъ)	39

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

— Московскій Публичный и Румянцевскій музеи въ 1892—1894 годахъ	1
А. К. Воронинъ. А. И. Незеленовъ (<i>некрологъ</i>)	6
С. Л. Итанинскій. О. А. Вершадскій (<i>некрологъ</i>)	9
В. Д. Смирновъ. И. Н. Вережнъ (<i>некрологъ</i>)	29
— А. Н. Труворовъ (<i>некрологъ</i>)	35

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

Ө. Ф. Зѣлинскій. О Софоклѣ-врачѣ	49
М. П. Ростовцевъ. Двѣ метрическія надписи изъ Филиппополя	63
Ө. Г. Мищенко. Этнографія Россіи у Геродота	69
Р. Х. Ленеръ. Тридцать тирановъ	90

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ.

Н. А. Любимовъ. Исторія физики	273
--	-----

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Редакторъ **В. Васильевскій**.

(Вышла 4-ю мая).

вности, и въ 1888 г. онъ былъ назначенъ исправляющимъ должность экстраординарнаго профессора. Въ этой должности онъ оставался до послѣдняго времени и не задолго до смерти, по выслугѣ 25 лѣтъ. 11-го января былъ утвержденъ еще на пятилѣтіе.

Кромѣ чисто научныхъ трудовъ Незеленовъ оставилъ нѣсколько сочиненій популярнаго характера; таковы его книги: „Тургеневъ въ его произведеніяхъ. С.-Пб. 1885“ и „Островскій въ его произведеніяхъ С.-Пб. 1888“. Эти два сочиненія представляютъ собою публичныя лекціи, читанныя Незеленовымъ въ Солянномъ Городкѣ. Такии же популярнымъ характеромъ отличались его лекціи о Грибоѣдовѣ и Лермонтовѣ, изъ которыхъ послѣднія не были напечатаны. Какъ и въ изслѣдованіи о Пушкинѣ, Незеленовъ и въ этихъ своихъ трудахъ являлся послѣдователемъ критическихъ взглядовъ Аполлона Григорьева, а вмѣстѣ съ тѣмъ, по примѣру О. Э. Миллера, старался примѣнять къ оцѣнкѣ литературныхъ произведеній нравственный масштабъ.

Наконецъ надо упомянуть о педагогическихъ трудахъ Незеленова, о его статьѣ: „О преподаваніи русской словесности“, въ которой онъ, вооружаясь противъ исключительнаго эстетико-стилистическаго разбора литературныхъ произведеній, указывалъ на необходимость внести въ гимназическое преподаваніе словесности элементъ историческій, и о его учебникѣ: „Исторія русской словесности“, представляющемъ выдающіяся достоинства, одобренномъ учеными комитетами при министерствѣ народнаго просвѣщенія и вѣдомства учрежденій императрицы Маріи и выдержавшемъ уже три изданія.

Какъ человекъ, покойный Незеленовъ оставилъ о себѣ самую лучшую память во всѣхъ, кому приходилось имѣть съ нимъ личныя отношенія, своею добротой, рѣдкою отзывчивостью на чужое горе, снисходительностью къ недостаткамъ ближняго, высокою гуманностью.

А. Бороздинъ.

II.

С. А. Бершадскій.

21-го февраля скончался въ С.-Петербургѣ, послѣ тяжелой и продолжительной болѣзни, профессоръ С.-Петербургскаго университета по кафедрѣ энциклопедіи и исторіи философіи права Сергѣй Александровичъ Бершадскій. С. А. Бершадскій родился въ Бердянскѣ

Таврической губерніи 18-го марта 1850 г. По своему происхожденію С. А. Бершадскій малороссъ, прадѣдъ по отцу былъ православнымъ священникомъ въ мѣстечкѣ Бершади, Подольской губерніи, откуда въ концѣ XVIII вѣка переселился въ лѣвобережную Украину. Прадѣдъ по матери, Ковалевскій, былъ куреннымъ запорожскимъ атаманомъ. Въ 1868 г. С. А. Бершадскій кончилъ курсъ въ Керчинской гимназіи и поступилъ въ Новороссійскій университетъ. Тамъ онъ работалъ подъ непосредственнымъ руководствомъ Ѳ. И. Леонтовича и А. П. Пригары. Въ 1873 г. былъ оставленъ при университетѣ для приготовленія къ профессорскому званію по кафедрѣ государственнаго права, затѣмъ командированъ въ Петербургъ, гдѣ и продолжалъ заниматься подъ руководствомъ А. Д. Градовскаго. Въ 1876 г. выдержалъ магистерскій экзаменъ, въ маѣ 1883 г. защитилъ диссертацию на степень магистра и утвержденъ былъ штатнымъ доцентомъ по кафедрѣ энциклопедіи и исторіи философіи права. Въ 1885 г. съ введеніемъ новаго университетскаго устава назначенъ экстраординарнымъ профессоромъ по занимаемой имъ кафедрѣ. Одновременно С. А. Бершадскій читалъ лекціи въ Александровскомъ лицѣи и Военно-Юридической академіи. При образованіи при С.-Петербургскомъ университетѣ Историческаго общества (въ 1889 г.) С. А. Бершадскій состоялъ первымъ товарищемъ предѣдателя; въ 1893 г. былъ избранъ въ почетные члены Общества распространенія просвѣщенія между евреями въ Россіи.

Дѣтство, проведенное Бершадскимъ частью въ Елисаветградѣ, частью же въ Керчи, то-есть, въ тѣхъ городахъ Новороссійскаго края, которые обладали значительнымъ еврейскимъ населеніемъ, университетское образованіе, полученное въ Одессѣ въ періодъ еврейскихъ погромовъ,—все это въ совокупности направляло мысли С. А. Бершадскаго на существованіе еврейскаго вопроса, причины его возникновенія и способы его разрѣшенія. Когда же въ 1876 г., по выдержаніи магистерскаго экзамена, пришлось ему избрать тему для диссертации, то онъ и остановился на евреяхъ. Къ этому его склоняло то обстоятельство, что труды другихъ ученыхъ не давали отвѣта на занимавшій его вопросъ: откуда произошла обособленность евреевъ въ Литвѣ, на чемъ обосновывалась ихъ изумительная солидарность, чѣмъ опредѣлялись различныя стадіи жизни этихъ западныхъ инородцевъ ¹⁾.

¹⁾ *Вестникъ*, Крит.-библ. слов. стр. 186, автобіогр. записка.

С. А. Бершадскій самъ часто говорилъ и повторилъ это на своемъ магистерскомъ диспутѣ, что вопросъ, которымъ онъ занимался—судьба евреевъ въ Россіи—выросъ вмѣстѣ съ нимъ. Зародился онъ еще въ Керчинской гимназій и сталъ развиваться въ Новороссійскомъ университетѣ.

Сто лѣтъ, говорятъ С. А. Бершадскій, назадъ литовскіе евреи перешли въ русское подданство—и сто лѣтъ существуетъ въ Россіи еврейскій вопросъ. Но въ чемъ же его сущность? почему евреи до сихъ поръ инородцы, а не русскіе граждане? Въ чемъ причины натянутыхъ отношеній между евреями и неевреями? Въ чемъ силы еврейства? На все это имѣются избитые отвѣты, но они не рѣшаютъ вопроса и въ дѣйствительности не отвѣты. Изученіе русскаго законодательства и русской литературы о евреяхъ привело С. А. Бершадскаго къ убѣжденію, что для разрѣшенія поставленныхъ вопросовъ необходимо захватить ихъ въ самый моментъ зарожденія. Этотъ моментъ наступилъ еще во время польско-литовскаго владычества, а потому необходимо прежде всего уяснить отношеніе евреевъ къ литовской государственной власти и обществу.

Для осуществленія этой задачи оказались недостаточными собраныя и изданныя до того времени матеріалы и С. А. Бершадскій принялся за самостоятельное разысканіе ихъ въ архивахъ.

До того времени—евреи и еврейскій вопросъ не удостоились вниманія собирателей историческаго матеріала. Между тысячами напечатанныхъ уже документовъ (по исторіи Литвы) едва ли найдется сотни двѣ—три документовъ, относящихся къ евреямъ. Къ тому же эти документы разбросаны въ различныхъ изданіяхъ, и древнѣйшій актывый источникъ по еврейскому вопросу и по исторіи государственной жизни Литвы, Литовская Метрика—почти вовсе нетронута. Въ виду этого С. А. Бершадскій обратилъ особенное вниманіе на Литовскую Метрику и 10-го іюля 1878 г. по ходатайству управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія былъ допущенъ къ ученымъ занятіямъ въ Литовской Метрикѣ. Попутно, въ вакаціонное время, С. А. Бершадскій работалъ въ Виленскомъ и Кіевскомъ архивахъ. Результатомъ этихъ работъ, въ четыре года, оказалась коллекція болѣе двухъ тысячъ документовъ, относящихся къ исторіи юридическаго и общественнаго положенія евреевъ въ Литвѣ и Юго-Западной Россіи, отъ временъ Витовта до паденія Польско-Литовскаго государства. Тогда С. А. Бершадскій приступилъ къ печатанію собраннаго матеріала и въ 1882 г. выпустилъ въ свѣтъ два тома—документовъ и

регестовъ къ исторіи литовскихъ евреевъ до 1569 г., въ которые вошло 662 нумера. Вошедшіе въ эти томы матеріалы напечатаны частью въ видѣ точныхъ копій съ подлинниковъ, частью въ видѣ краткихъ извлеченій изъ документовъ, слишкомъ объемистыхъ или же тѣхъ, которые были раньше напечатаны.

На основаніи собранныхъ и обследованныхъ документовъ С. А. Бершадскій приступилъ къ составленію исторіи евреевъ Литвы, и до окончанія ея печаталъ въ „Восходѣ“ и „Еврейской библиотекѣ“ отдѣльныя статьи, которыя потомъ вошли въ его книгу. Въ исторіи евреевъ въ Литвѣ авторъ видитъ слѣдующіе моменты развитія.

Въ XIV вѣкѣ мы не встрѣчаемъ въ Литвѣ ни малѣйшихъ слѣдовъ консолидаціи евреевъ; въ XV—присутствуемъ при ея зарожденіи; въ XVI вѣкѣ видимъ, какъ крѣпнетъ еврейское единство подъ сѣнью быстро водворяющагося Талмуда; въ XVII—отдѣльный еврей растаиваетъ въ еврейскомъ единствѣ; XVIII вѣкъ наполненъ борьбою между просыпающимся индивидуомъ — евреемъ и вѣковою кагальною властью.

Въ первомъ томѣ, вышедшемъ въ 1883 г., С. А. Бершадскій рассматриваетъ исторію евреевъ отъ 1388 г. до 1569, и здѣсь онъ поставилъ себѣ задачей открытіе первыхъ зачатковъ еврейской консолидаціи въ Литвѣ и уясненіе причинъ, вліявшихъ на ея укрѣпленіе и развитіе.

Еще въ своей статьѣ „Михель изъ Бреста“, напечатанной въ 1880 г. въ „Еврейской Библиотекѣ“, С. А. Бершадскій старается опровергнуть мнѣніе польскихъ историковъ о существованіи общей еврейской организаціи въ Литвѣ, и доказываетъ, что таковой не было еще и въ XVI вѣкѣ. Болѣе подробно рассматривается этотъ вопросъ въ III главѣ Исторіи Евреевъ, составляющей повтореніе такой же статьи, напечатанной ранѣе въ „Восходѣ“. Глава эта посвящена привилегіямъ Витовта, даннымъ въ 1388 г. евреямъ въ Литвѣ. Этимъ годомъ Бершадскій начинаетъ исторію евреевъ въ Литвѣ, и изъ его книги мы ничего не знаемъ о судьбѣ ихъ тамъ до 1388 г. Въ литературѣ установилось мнѣніе, что Витовтъ въ 1388 г. 1-го іюля даровалъ привилегію общую для всѣхъ литовскихъ евреевъ. С. А. Бершадскій считаетъ это мнѣніе не имѣющимъ достаточныхъ основаній, и говоритъ: „если Витовтомъ дана была грамота всѣмъ литовскимъ евреямъ, то, конечно, не иначе, какъ по ходатайству представителей отъ лица всѣхъ евреевъ Литвы. Допустивъ такой фактъ, мы естественно должны предположить, что литовскіе евреи уже во время Витовта находились

въ дѣятельныхъ сношеніяхъ другъ съ другомъ, сознавали свои общіе интересы. Слѣдовательно уже въ XIV вѣкѣ литовскіе евреи представляли извѣстное, солидарное, сплоченное единство. Наоборотъ, если будетъ доказано, что литовскіе евреи не получали отъ Витовта привилегій, общей для всего литовскаго еврейства, то естественно, что *ни еврейской солидарности, ни признанія евреями своей общности, ни обособленности евреевъ отъ остальнаго населенія въ XIV вѣкѣ предположить нельзя*. Такимъ образомъ ясно, что весь вопросъ о еврейской отчужденности отъ кореннаго населенія и консолидаціи ставится историкомъ въ зависимость отъ существованія общей привилегіи.

Сохранились, однако, двѣ жалованныя грамоты Витовта, въ позднѣйшемъ подтвержденіи короля Сигизмунда Августа, и въ одной изъ нихъ, дошедшей въ русскомъ и латинскомъ текстахъ, говорится отъ имени Витовта: „если дали права и вольности всей жидовѣ *вышеймененой*, мешкающимъ въ томъ панствѣ нашомъ“; то же по латыни:— *concessimus omnibus iudaeis, manentibus in dominio nostro.*

С. А. Бершадскій, разсмотрѣвъ все извѣстные тексты этихъ привилегій, дѣлаетъ слѣдующій выводъ:

Привилегіи Витовта дошли до насъ въ различныхъ текстахъ: изъ нихъ польскій текстъ Балинскаго и русскій Дзялынскаго два различные текста. Польскій текстъ Перльштейна грубая поддѣлка русскаго—Дзялынскаго, русскій—Вилен. Арх. Комиссій—вариантъ Дзялынскаго. Латинскій—переводъ съ русскаго оригинала съ незначительными измѣненіями. Польскій текстъ Балинскаго не представляетъ никакихъ сомнѣній—это грамота трокскимъ евреямъ; совершенно иное мы замѣчаемъ въ русскомъ текстѣ. Въ ней вслѣдъ за титуломъ сказано: мы даровали права всеѣмъ евреямъ вышеупомянутымъ. Но кто эти вышеупомянутые евреи, изъ текста не видно. Что же значить тогда слова „жидовѣ вышеймененой“. На это С. А. Бершадскій даетъ такой отвѣтъ: въ 1389 г. Витовтъ даетъ привилегію гродненскимъ евреямъ и въ ней присовокупляетъ: и иные права и вольности въ привиліяхъ отъ насъ *жидамъ Берестейскимъ* въ року тысяча триста осмдесятъ осмомъ наданые—зоставуемъ. Такой, однако, привилегіи до сихъ поръ мы не знаемъ. Дѣло разъяснится, если мы предположимъ, что привилегія 1388 г. (текстъ Дзялынскаго) дана не всеѣмъ евреямъ, а однимъ брестскимъ. Происхожденіе въ русскомъ текстѣ выраженія жидовѣ вышеймененой—объясняется, по мнѣнію С. А. Бершадскаго, слѣдующимъ образомъ: въ подлинныхъ литовскихъ грамотахъ XIV, XV, XVI вѣковъ употребленіе прописныхъ

буквъ окончательно не установилось; при уставномъ и полууставномъ письмѣ многія буквы легко смѣшиваются съ близкими къ нимъ по начертанію, поэтому при незначительномъ искусствѣ легко было передѣлать слова жидовъ берестейской въ жидовъ вышеймененой. Какъ „берестейской“, такъ и „вышеймененой“ содержатъ по 12 буквъ—*славянскія полууставныя буквы легко переходятъ одна въ другую, и вся привилегія изъ привилегій брестскимъ евреямъ обращается въ привилегію всѣмъ евреямъ Литвы.* Впрочемъ слово это могло сдѣлаться невозможнымъ для чтенія, напимѣрь, отъ того, что приходилось на изгибѣ, а потому истерлось, или же буквы вылипали отъ сырости, или же, наконецъ, были попорчены насѣкомыми. *Во всякомъ случаѣ, произошло ли это измѣненіе случайно, или предумышленно, оно несомненно.* На основаніи такого палеографическаго анализа, авторъ дѣлаетъ окончательное заключеніе—что грамота 1388 г. дана не всѣмъ жидамъ, а только брестскимъ, слѣдовательно къ концу XIV столѣтія не было еврейской консолидаціи. Какъ не остроумна догадка превращенія «берестейскій» въ „вышеймененый“, но она не выдерживаетъ критики. Довольно бѣгло только взгляда на это. Вѣрно, что въ обоихъ словахъ 12 буквъ но буквы-то разныя, по занимаемому ими мѣсту *ы* и *м* потребуютъ для „вышеймененой“ больше мѣста, чѣмъ даетъ имъ „берестейской“, да при томъ въ послѣднемъ словѣ *р* выйдетъ внизъ строки. Конечно, могла быть поддѣлка и порча, но пѣтъ положительно никакихъ данныхъ, убѣждающихъ насъ въ томъ, что на этомъ мѣстѣ стояло слово берестейской, а много можно привести данныхъ въ пользу того, что этого именно слова тамъ не могло быть. Итакъ, по моему мнѣнію, единственное основаніе, на которомъ опирается доказательство С. А. Бершадскаго объ отсутствіи консолидаціи евреевъ, не надежно и не можетъ быть принято во вниманіе. Такимъ образомъ, несмотря на доказательства С. А. Бершадскаго, мнѣніе о сплоченности, консолидаціи евреевъ въ XIV вѣкѣ остается по настоящее время непровергнутымъ. Впрочемъ доказательство солидарности еврейской, ихъ сознанія своей общности и обособленности отъ остальнаго населенія не нуждается въ подтвержденіи особою привилегіей для всѣхъ жидовъ. Все это видно изъ тѣхъ привилегій, которыя себѣ выпрашиваютъ въ XIV столѣтіи евреи трокскіе и гродненскіе. Здѣсь видна уже обособленность и солидарность евреевъ—это не общіе литовскіе граждане, а пѣчто обособленное. Нельзя согласиться, такимъ образомъ, и съ положеніемъ, что гоненіе на евреевъ, начатое ихъ изгнаніемъ въ 1495 г., положило первые зачатки

еврейской солидарности. Наоборотъ изгнаніе могло быть вызвано тѣмъ, что начавшееся сплоченіе евреевъ грозило опасностью для государства.

Гоненія, притѣсненія способствовали сплоченію евреевъ. *„Какъ у христіанъ, говоритъ С. А. Бершадскій, возникаютъ братства, цехи, корпораціи, такъ и евреи открываютъ связь въ единствѣ вѣры. Подымается, растетъ, расширяется совокупность разнообразныхъ общинныхъ учрежденій у евреевъ. Безъ опоры общины каждый еврей чувствовалъ себя безсильнымъ. Община могла опереться на религиозныя начала, религиознымъ же авторитетомъ былъ талмудъ; подъ его сѣнію община быстро обращалась въ безусловно-послушное, крѣпко стоящее за каждого изъ своихъ членовъ единство. И надъ смущеннымъ еврействомъ Литвы богомольный талмудъ распахнулъ свои крѣпкія крылья,—заключаетъ такими словами С. А. Бершадскій свою книгу о литовскихъ евреяхъ.*

Если даже и согласится съ С. А. Бершадскимъ, что въ 1388 г. не было выдано общей привилегіи всѣмъ литовскимъ евреямъ, то и тогда увидимъ, что къ 1389 г. уже три еврейскія общины, получившія такія привилегіи, которыми спланиваются еврейскія индивидуумы въ обособленныя группы. До того времени не было на нихъ гоненій, жилось имъ привольно, и это приволье позволило создать себѣ особенно выгодное положеніе. Литовскіе евреи, по привилегіямъ Витовта, подчиняются непосредственно великому князю; они люди вольные, свободные, а потому по всѣмъ менѣе важнымъ дѣламъ подчиняются присуду мѣстнаго велико-княжескаго чиновника. Находясь подъ покровительствомъ и присудомъ великаго князя еврейскія общины обладали значительною автономіей. Судъ по гражданскимъ дѣламъ евреевъ между собою находился въ рукахъ евреевъ и существовалъ даже особый жидовскій судья. Судъ этотъ могъ даже производиться въ синагогѣ. Личность еврея признавалась неприкосновенною и за убійство еврея полагалось наказаніе одинаковое, какъ за убійство шляхтича. За побой, нанесенныя еврею христіаниномъ, потерпѣвшему уплачивалось вознагражденіе какъ шляхтичу. Евреямъ разрѣшалось безъ всякихъ ограниченій производить операціи по выдачѣ ссудъ даже подъ залогъ недвижимой собственности, и великій князь гарантировалъ такимъ займодавцамъ вводъ во владѣніе недвижимымъ имуществомъ и свою особую защиту. Нормы процентамъ не полагалось и даже предусматривалась возможность процентовъ на проценты. Дозволялась евреямъ торговля всѣми предметами; они занимаются выдѣлкой и продажей вина. Итакъ, къ концу XIV столѣ-

тія евреи пользуются неприкосновенностью личности и собственности, свободой вѣры, правомъ передвиженія, торговли, и вотъ они свободно занимаются ростовщичествомъ, торговлею, промыслами и даже земледѣліемъ.

Все это мы находимъ у С. А. Бершадскаго и въ этомъ всемъ нельзя не видѣть еврейской обособленности. Сто лѣтъ, до изгнанія евреевъ изъ Литвы 1495 г., дали возможность не только расцвѣсти этой свободѣ, но и дать плоды.

Въ общемъ, книга Бершадскаго о литовскихъ евреяхъ представляетъ массу цѣннаго матеріала впервые обнародованнаго, критически изслѣдованнаго и надлежаще сгруппированнаго. Съ выводами же автора не всегда возможно согласиться, не разъ они поспѣшны, иногда очень смѣлы, а иногда отзываются нѣкоторымъ саниментализмомъ.

Съ такимъ взглядомъ С. А. Бершадскаго на исторію возникновенія еврейской солидарности не соглашается и такой знатокъ западной Россіи какъ пр. М. Ф. Владимірскій-Будановъ ¹⁾. Уже въ XIV столѣтіи, по мнѣнію пр. Владимірскаго-Буданова—„евреи составляли обособленное общество, въ качествѣ нація-сословія сосредоточили въ своихъ рукахъ откупа и торговлю и рѣдко обращались къ другимъ занятіямъ (197). Сознывая себя группою обособленною отъ прочаго населенія, евреи уже потому самому должны были установить общую солидарность между собою въ цѣломъ государствѣ. Во всѣхъ важныхъ случаяхъ выступаютъ не отдѣльныя лица, даже не отдѣльныя еврейскія общины, а всѣ евреи всего великаго княжества, какъ одна корпорація (184).

„Первымъ важнѣйшимъ условіемъ благоприятнаго положенія евреевъ въ Литвѣ, по мнѣнію пр. М. Ф. Владимірскаго-Буданова, была немногочисленность еврейскаго населенія (171). Всѣ факты изъ старинной исторіи евреевъ въ Литвѣ производятъ импонирующее впечатленіе сильнаго покровительства со стороны верховной власти одной небольшой части населенія (172). Вѣротерпимость доходила до того, что иногда великій князь для лучшей охраны какого либо еврея поручаетъ его въ опеку и оборону католическому епископу“ (179).

Мнѣніе Бершадскаго, что люблинская унія произвела переворотъ въ положеніи евреевъ, пр. Владимірскій-Будановъ считаетъ проблематическимъ. Рѣшеніе еврейскаго вопроса С. А. Бершадскій видитъ

¹⁾ *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1885, I, 162—206—критическая статья о книгѣ С. А. Бершадскаго „Литовскіе евреи“.

въ измѣненіи всѣхъ сословныхъ различій и розни—или, какъ выражается пр. Владимірскаго-Буданова — въ снятіи всякихъ сословныхъ перегородокъ, но почтенный профессоръ „крѣпко сомнѣвается въ томъ, чтобы въ снятіи этихъ ограничительныхъ условій заключалось все разрѣшеніе вопроса“ (206).

На этой книгѣ необходимо было остановиться подробно въ виду занимаемаго ею важнаго мѣста въ русской исторической наукѣ, какъ по собранному матеріалу, такъ и по общему взгляду, проводимому въ ней авторомъ на современный намъ еврейскій вопросъ. Эта общая идея проходитъ во всѣхъ остальныхъ работахъ С. А. Бершадскаго по исторіи евреевъ.

Послѣ изданія книги „Литовскіе евреи“ С. А. Бершадскій продолжалъ заниматься въ Литовской Метрикѣ, а съ 1885 г., до перевода Метрики въ Москву (1887 г.) въ качествѣ моего помощника по обязанностямъ начальника (метриканта) Литовской Метрики. Съ этого времени С. А. Бершадскій работалъ главнымъ образомъ надъ собраніемъ документовъ, относящихся къ исторіи внутреннихъ отношеній великаго княжества литовскаго съ древнѣйшаго времени до перваго статута (1529 г.). У С. А. Бершадскаго по этимъ вопросамъ накопился громаднѣйшій матеріалъ, онъ приводилъ уже его въ порядокъ, систематизировалъ и готовилъ обширный трудъ по исторіи внутренняго устройства Литвы. Судьба, однако, рѣшила иначе — и трудъ многолѣтній остался не оконченнымъ.

Работая надъ общею темой, С. А. Бершадскій пользовался собраннымъ уже матеріаломъ для дальнѣйшей разработки исторіи евреевъ, и постоянно печаталъ отдѣльныя статьи по разнымъ вопросамъ еврейской исторіи.

Въ тѣсной связи съ книгой „Литовскіе евреи“, и болѣе близкимъ къ нимъ хронологически, былъ рядъ статей, помѣщенныхъ въ Восходѣ (1886—1887), подъ заглавіемъ „Исторія Виленской еврейской общины въ 1593 по 1649 г.“. Въ этомъ очеркѣ авторъ проводитъ мнѣніе, что причины постепеннаго завоеванія виленской торговли евреями заключались не столько въ еврейской ловкости, предприимчивости, состоятельности и т. д., сколько въ полномъ равнодушіи государственной власти къ интересамъ мѣщанъ и энергической поддержкѣ евреевъ со стороны шляхты. Статьи эти полны весьма интересныхъ фактовъ, впервые увиданныхъ свѣтъ и дающихъ обильный матеріалъ не только для исторіи евреевъ, но и вообще для характеристики внутренней жизни Вильны.

Дополненіемъ къ „Литовскимъ сврсямъ“ является очеркъ изъ исторіи литовскихъ и польскихъ евреевъ въ концѣ XV столѣтія подъ заглавіемъ „Въ изгнаніи“ (Восходъ, 1892, 1, 2, 4, 6—8), въ которомъ авторъ останавливается снова на фактѣ изгнанія евреевъ изъ Литвы Александромъ въ 1495 г. Здѣсь С. А. Бершадскій имѣлъ въ виду: 1) дополнить свѣдѣнія объ изгнаніи на основаніи еврейскихъ источниковъ, 2) опредѣлить положеніе ихъ въ тѣхъ странахъ, куда они удалились.

До сихъ поръ существовало мнѣніе, что литовскіе евреи удалились въ Польшу, но въ настоящее время время, отмѣчаетъ С. А. Бершадскій, благодаря труду А. Я. Гаркави и одной привилегіи, найденной С. А. Бершадскимъ въ коронномъ архивѣ, можно съ довольно значительною вѣроятностью утверждать, что удалились они частью въ Польшу, *частью же въ Крымъ.*

Въ этомъ очеркѣ С. А. Бершадскій главнымъ образомъ останавливается на общественномъ и юридическомъ бытѣ евреевъ въ Польшѣ въ XV столѣтіи. Для изображенія этого положенія авторъ пользуется польскими привилегіями XV вѣка и пополняетъ ихъ другими документами. Но дѣло вотъ въ чемъ. Специалистъ по исторіи польскаго права XV вѣка, глубокой его знатокъ Р. Губе — считаетъ единственною, неподлежащую сомнѣнію только привилегію Болеслава Благочестиваго, другія же привилегіи признаетъ или повтореніемъ этой, или же просто поддѣлкою; подложною Губе считаетъ и привилегію Казимира Великаго познанскимъ евреямъ, дошедшую до насъ въ подтвержденіи 1453 г. Поэтому Губе думаетъ, что положеніе польскихъ евреевъ XV вѣка опредѣлялось ничуть не грамотою Казимира Великаго, сколько обычаемъ и практикою судовъ. С. А. Бершадскій не согласенъ съ мнѣніемъ Губе и склоняется на сторону „другаго почтеннаго изслѣдователя, равв. Перлеса“, который полагаетъ, что положеніе евреевъ опредѣлялось жалованною грамотою Казимира Великаго, подтвержденною 1453 г. въ качествѣ общей привилегіи великопольскимъ евреямъ.

Разсмотрѣвъ юридическое и общественное положеніе евреевъ въ Польшѣ въ XV вѣкѣ (въ изгнаніи), С. А. Бершадскій приходитъ къ заключенію, что „пробываніе литовскихъ евреевъ въ Польшѣ дало имъ крѣпкое начало той организаціи, съ которою мы встрѣчаемся уже въ Литвѣ въ концѣ XVI вѣка. Пятилѣтнее пребываніе бокъ о бокъ съ принципами строгой общественности, созерцаніе выгодъ, отъ того истекающихъ, воскрешеніе ветхозавѣтныхъ принци-

новъ, должны были непремѣнно найти себѣ мѣсто въ душѣ изгнанниковъ. Однимъ изъ результатовъ этихъ новыхъ началъ было поученіе ими отъ великаго князя, изгнавшаго ихъ, грамоты не только на возвращеніе въ Литву, но и на возмѣщеніе отнятаго у нихъ имущества. „Наглядно, практически, на глазахъ все болѣе и болѣе подымающагося отрицанія общественности *литовскіе евреи могли видѣть, что значитъ дѣйствовать viribus unitis*“.

Какъ бы продолженіемъ этого очерка, является статья „Переселеніе“ (Восходъ, 1893, 9), въ которой авторъ доказываетъ, что въ Польшу переселились въ XV вѣкѣ не только евреи, изгнанные изъ Литвы, но и значительная часть евреевъ, изгнанныхъ изъ Чехіи и сопредѣльныхъ съ Польшею странъ. Польскіе короли долгое время покровительствуютъ этому движенію, не только дозволяя поселиться, но и предоставляя имъ различныя льготы. Въ концѣ, однако, XV и началѣ XVI вѣка происходитъ рѣзко бросающееся въ глаза пониженіе юридическаго и общественнаго положенія польскихъ евреевъ: короли, враждебно настроенные, безразличныя, и даже благосклонныя къ евреямъ, или отказываются подтвердить привилегіи евреевъ, или измѣняютъ эти привилегіи въ ограничительномъ смыслѣ, или даже издають рядъ новыхъ законовъ, направленныхъ противъ евреевъ. Мотивами для такихъ ограниченій слѣдуетъ (по конституціи 1532 г.) принимать то, что „противно божественному праву и неприлично, чтобы подобнаго рода люди пользовались почестями или занимали должности на равнѣ съ христіанами“. Въ 1572 г. король издаеть указъ, по которому опредѣляетъ, чтобы на будущія времена евреи болѣе не входили въ предѣлы польскаго государства и чтобы количество ихъ не увеличивалось противъ тѣхъ, которые уже переселились и приобрѣли осѣдлость.

Все это даетъ возможность С. А. Бершадскому сдѣлать такой выводъ:

„Евреи, умножившись въ числѣ, потеряли свое прежнее положеніе въ польскомъ обществѣ, но въ замѣнъ того они положили прочное основаніе своему собственнаго общества, отдѣленнаго отъ остальныхъ сословій Польши образомъ жизни, нравами и занятіями. На этой почвѣ складываются, при помощи королей и шляхты, и всѣ особенности замкнутой жизни польскаго еврейства XVII и XVIII вѣковъ“.

Продолженіемъ очерковъ по исторіи евреевъ въ Польшѣ являются двѣ статьи, напечатанныя въ сентябрѣ и октябрѣ 1895 г. въ „Вос-

ходъ",—о львовской и люблинской еврейскихъ общинахъ. Въ первой изъ нихъ С. А. Бершадскій мимоходомъ затрогиваетъ вопросъ о состояніи архивовъ и говоритъ, что „доселѣ ни одинъ архивъ (конечно бывшій польскій), за исключеніемъ Главн. Архива Царства Польскаго, не имѣетъ, не говоримъ уже предметныхъ, но даже личныхъ и географическихъ указателей“. Здѣсь вышла небольшая неточность; именно львовскіе архивы, какъ земскій, такъ и городской, имѣютъ прекрасные указатели, занимающіе три большія комнаты. Къ написанію этихъ статей послужили найденныя авторомъ копія королевскихъ привилегій евреямъ этихъ городовъ. Обѣ эти статьи любопытны, но онѣ даютъ намъ только небольшую картинку еврейскихъ отношеній, и не могутъ считаться вполне законченнымъ очеркомъ.

Эпизодическій характеръ имѣютъ статьи С. А. Бершадскаго „Аврамъ Езюфовичъ Ребичковичъ, подскарбій земскій“ (*Кіевская Старина*, 1888), „Еврей Король Польскій“ (*Восходъ*, 1890) и „Старинное средство—обвиненіе евреевъ въ убіеніи младенцевъ“ (*Восходъ*, 1894, 10, 12).

Первая изъ этихъ статей имѣетъ полемическое начало — вызвана небольшою статейкой І. Вольфа (извѣстнаго автора капитальныхъ сочиненій по исторіи Литвы: *Сенаторы и Сановники въ Литвѣ; Родъ Гедимина Пацы; Западно-Русскіе Князья*)—подъ заглавіемъ „Жидь-министръ“. С. А. Бершадскій сильно возмутился этою брошюрой, и она дала поводъ написать ему прекрасную монографію. Отбросивъ небольшую полемическую часть, мы получимъ прекрасную монографію рисующую намъ картинно финансовую и экономическую сторону Литвы за много лѣтъ. Это одна изъ блестящихъ статей С. А. Бершадскаго. Подъ скромнымъ видомъ біографіи передъ нами раскрывается полная бытовая картина конца XV и начала XVI вѣковъ. Первая глава полемическая. Со второй начинается отдѣлъ конструктивный. Начинается вторая глава родословной Аврама, далѣе авторъ устанавливаетъ фактъ перехода Аврама изъ еврейства въ православіе и тутъ же отмѣчаетъ, что подъ конецъ жизни Аврамъ переходитъ въ католичество, „но не изъ какихъ либо корыстныхъ видовъ, при томъ при королѣ чуждомъ религіознаго фанатизма, и въ то время когда православная вѣра ни въ какомъ случаѣ не могла служить помѣхой для служебнаго положенія“. На примѣрѣ Аврама авторъ доказываетъ, какимъ образомъ энергическій и талантливый человѣкъ могъ достигнуть въ Литвѣ въ началѣ XVI столѣтія высшихъ мѣстъ въ государствѣ, не смотря на то, что не только не имѣлъ

за собою длиннаго ряда предковъ, да и самъ былъ въ полномъ смыслѣ слова homo novus, еврей, принявшій христіанство. Разсматривая разнообразную дѣятельность Аврама по упорядоченію и приведенію въ порядокъ финансоваго управленія въ Литвѣ, С. А. Бершадскій представляетъ при этомъ картину финансоваго положенія, источниковъ и количества велико-княжескихъ доходовъ въ началѣ XVI вѣка. Въ заключеніи авторъ допускаетъ чрезмѣрную идеализацію героя своей монографіи — „руководящимъ принципомъ служебной дѣятельности Аврама было то исконное уваженіе и преданность великому князю, которыя составляютъ основныя черты литовско-рускаго населенія XVI вѣка“.

Вторая изъ сейчасъ названныхъ монографій посвящена изслѣдованію легенды о Шаулѣ Юдичѣ Валѣ, какъ преемникѣ Стефана Баторія. На основаніи актовъ литовской метрики С. А. Бершадскій даетъ образъ реального Шауля Валя, одного изъ старшинъ брестскаго кагала, выхлопотавшаго у Стефана Баторія право на свободное занятіе евреевъ торговлею и ремеслами наравнѣ съ христіанами не только въ Брестѣ, но и во всей Литвѣ; за услуги, оказанныя Сигизмунду III, онъ получаетъ званіе королевскаго слуги и право носить золотую цѣпь. Причину появленія легенды С. А. Бершадскій видитъ въ идеализаціи евреями XVII и XVIII вѣковъ старшинскаго положенія евреевъ въ Литвѣ: Шауль даруетъ евреямъ права, которыя даютъ имъ возможность жить въ Литвѣ счастливо.

.. Въ очеркѣ подъ заглавіемъ „Старинное средство“, оставшемся неоконченнымъ (Всеходъ 1894 г. 9, 11, 12), С. А. Бершадскій старается объяснить причины возникновенія въ Польшѣ легендъ объ избіеніи младенцевъ съ ритуальною цѣлью, и въ числѣ причинъ безучастнаго отношенія королевской власти къ своимъ подданнымъ видитъ происки іезуитовъ, вліявшихъ на исходъ обвиненія евреевъ въ ритуальномъ убійствѣ. С. А. Бершадскій обвиняетъ короля Сигизмунда III не столько въ хладнокровномъ отношеніи къ своимъ непосредственнымъ подданнымъ, сколько въ томъ, что король вмѣстѣ съ обвинителями ничуть не сомнѣваются въ возможности и реальности тѣхъ преступленій, въ которыхъ обвиняются евреи.

И такъ евреи, оставленные королями и шляхтою, въ борьбѣ съ духовенствомъ, накануне казацкихъ войнъ являются безпомощными противъ обвиненій въ ритуальномъ убійствѣ. Наступаетъ 1648 г. занимается кровавая заря казацкаго возстанія, наступаетъ періодъ, названный въ исторіи „Руиной“. На ряду съ другими подданными

польскаго государства послѣ погрома и евреямъ приходится вновь устраниваться. Янъ Собѣскій настроенъ сочувственно къ евреямъ, онъ возстановляетъ имъ многія старыя права, и *въ виду лучшихъ условий для евреевъ мы, по словамъ С. А. Бершадскаго, въ теченіе шестидесяти лѣтъ не встрѣчаемся съ обвиненіями евреевъ въ ритуальномъ убійствѣ.* Событія измѣняются; въ правленіе „гнусныхъ саксопцевъ“ Августовъ II и III развивается узкій эгоизмъ, ханжеское благочестіе и нетерпимость; начинается преслѣдованіе схизматиковъ и глубочайшее презрѣніе къ нехристіанамъ. Опять возникаютъ процессы противъ евреевъ, и уже не только при дѣятельномъ участіи духовенства, а даже по его почину. Такимъ было сандомірское дѣло 1690 г., на изложеніи котораго прерывается очеркъ С. А. Бершадскаго.

Въ очеркѣ этомъ собрано много любопытныхъ данныхъ, но несмотря на желаніе автора оправдать евреевъ, читатель не приходитъ по прочтеніи, къ одному съ авторомъ выводу.

Къ числу неоконченныхъ работъ С. А. Бершадскаго по исторіи евреевъ принадлежитъ его изслѣдованіе о „Положеніи о евреяхъ 1804 года“ (Восходъ 1895, 1, 3, 4, 6.). Положеніе 1804 г. о евреяхъ является первымъ памятникомъ законодательной дѣятельности русской государственной власти, опредѣляющимъ юридическое положеніе евреевъ среди другихъ сословій російскаго государства. Авторъ полагаетъ, что многія основныя начала этого „Положенія“ не потеряли вполне своего значенія и по настоящее время, не смотря, однако, на это, до сихъ поръ мы не имѣемъ свѣдѣній о внутренней его исторіи и о возрѣніяхъ авторовъ на существо самаго дѣла. Въ этой статьѣ С. А. Бершадскій намѣренъ былъ дать исторію основаній и мотивовъ этого памятника. Авторъ подробно останавливается на мнѣніи вилнскаго гражданскаго губернатора Фризеля отъ 5 апрѣля 1800 года; С. А. Бершадскій полагаетъ, что мнѣніе Фризеля, хотя оно и написано почти сто лѣтъ назадъ, тѣмъ неменѣе, по своей основательности, практической подкладкѣ и надлежащему пониманію государственныхъ интересовъ, представляется безконечно превосходящимъ всѣ циркулировавшіе въ то время польскіе проекты. Мѣры, предлагаемыя Фризелемъ—результатъ близкаго знакомства съ отношеніями различныхъ классовъ литовскаго общества. „Онъ предлагаетъ проектъ еврейской реформы, основанной на просвѣщеніи евреевъ, имѣющей своею окончательною цѣлью уравненіе евреевъ въ правахъ и обязанностяхъ съ тѣми классами населенія христіанскаго, къ которымъ они будутъ принадлежать по своему роду занятій“. Это

ислѣдованіе не окончено, но общій взглядъ автора уже вполне зарисованъ, и онъ виденъ изъ приведенныхъ строкъ. По представляемому здѣсь матеріалу и эта работа С. А. Бершадскаго очень цѣнна, но со взглядами его едва-ли можно всегда согласиться.

Послѣднимъ печатнымъ трудомъ С. А. Бершадскаго по исторіи евреевъ, была его статья, помѣщенная въ январской книжкѣ Восхода за нынѣшній годъ, подъ заглавіемъ: „Первые ешиботы въ Польшѣ, устроенныя съ разрѣшенія государственной власти“. Подъ ешиботами С. А. Бершадскій подразумѣваетъ еврейскія училища, устраиваемыя евреями. Въ этой статьѣ С. А. Бершадскій, по обыкновенію, даетъ картину современной данному факту эпохи, и тутъ замѣчаетъ, что „давно сказано (и прибавимъ отъ себя Спасителемъ (Матѳея 4. 4), котораго евреи не признаютъ)—„не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человекъ“, а школа въ Польшѣ очень рано получила конфессіональный характеръ. Каждая школа принимаетъ въ обученіе лицъ своего вѣроисповѣданія. Принятый въ іезуитскую школу долженъ неминуемо обратиться въ католичество. Напрасно бы искала для себя еврейская молодежь, говорить С. А. Бершадскій, возможности изучать медицину или гуманитарныя науки, какъ то было возможно въ Италіи или Голландіи. Возможность такого изученія была для нея безусловно закрыта. Впервые 23 августа 1567 г. Сигизмундъ Августъ разрѣшаетъ люблинскимъ евреямъ на общій счетъ устроить гимназію для обученія въ ней лицъ еврейской религіи. Гимназіи даны были широкія права, ими же пользовался и ректоръ гимназіи, но ему не дозволялось ни перенести ея на новое мѣсто, ни заниматься обученіемъ внѣ указанныхъ ему границъ. Скоро евреямъ въ Польшѣ удалось у того же короля получить разрѣшеніе на открытіе странствующей школы. 10 мая 1571 г. король предоставляетъ червонно-русскому раввину право повсюду имѣть въ Польшѣ училище и держать при собѣ учениковъ и просвѣщать въ наукахъ. Онъ не связанъ ни съ мѣстомъ, ни съ личностью, стоящею во главѣ учрежденія. Гдѣ вздумаетъ этотъ глава, заключаетъ С. А. Бершадскій, основать свое мѣстопробываніе, тамъ тотчасъ же, безъ всякаго разрѣшенія, вырастаетъ высшее (?) учебное заведеніе“.

Очеркъ этотъ также не конченъ, изъ него мы узнаемъ только объ условіяхъ, при какихъ это училище возникло, и объ основаніяхъ, на которыхъ оно было открыто. Не знаемъ дальнѣйшей его судьбы, ни плана преподаванія въ немъ, объ этомъ вѣроятно авторъ намѣренъ былъ говорить далѣе. „Педѣльная хроника Восхода“ (№ 8), называя

эту статью начатую, ничего не говорить, имѣется ли въ редакціи ея продолженіе.

Мы уже кончили обзоръ историческихъ трудовъ С. А. Бершадского по еврейскому вопросу; „Недѣльная хроника Восхода“ (1896 г. № 8, стр. 198) говоритъ, что С. А. Бершадскій помѣстилъ на ея страницахъ рядъ неподписанныхъ руководящихъ статей въ отвѣтъ на статью Поваго Времени по поводу еврейскаго погрома 1891 г. О принадлежности этихъ статей С. А. Бершадскому мы только теперь впервые узнали и съ ними не знакомы.

Вторымъ вопросомъ, сильно занимавшимъ С. А. Бершадскаго, была исторія литовскаго права и исторія внутреннего строя литовскаго государства. С. А. Бершадскій прекрасно овладѣлъ всею литературою предмета, самъ собралъ громадный матеріалъ первостепенной важности, умѣя имъ прѣкрасно распорядиться, но, погрузившись въ исторію евреевъ, не успѣлъ дать что нибудь крупное въ этомъ отношеніи. Его крѣпкое здоровье, казалось, сулило ему долготѣнную жизнь, и всѣ спокойно ждали капитальнаго труда, который, созрѣвъ въ его головѣ и вылежавшись въ портфель автора, обогатитъ надолго историческую науку. — Но вышло совсѣмъ иначе, и въ этой области мы имѣемъ только нѣсколько статей.

Отдѣлъ этотъ открывается первымъ печатнымъ трудомъ С. А. Бершадскаго—рецензія на книгу Кистяковскаго „Права, по которымъ судятся Малороссійскій народъ“ (*Журналъ Уголовнаго Права 1879, 3*). Къ этой же области принадлежитъ рецензія на сочиненіе Н. В. Стороженка „О западно-русскихъ сеймикахъ“ (*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія 1888 г.*). Здѣсь С. А. Бершадскій опровергаетъ проводимую авторомъ мысль о всесловности южно-русскихъ сеймовъ до Люблинской уніи и указываетъ, каковъ былъ составъ вальныхъ и провинціальныхъ сеймовъ въ вслѣдствіе княжествъ Литовскомъ.

Въ рецензіи на книгу М. Любавскаго—„Областное дѣленіе въ Литовскомъ государствѣ“—въ отчетѣ о XXXVI присужденіи Уваровскихъ премій (1895 г.), С. А. Бершадскій высказалъ нѣсколько общихъ руководящихъ мыслей. Главный матеріалъ для надлежащаго выясненія коренныхъ принциповъ государственной жизни и общественнаго строя Литвы покоится еще и по настоящее время въ актовыхъ книгахъ Литовской Метрики. Между тѣмъ, безъ выясненія этихъ принциповъ, совершенно невозможно точное представленіе о дальнѣйшей исторіи этого княжества. такъ какъ реформы 1566 и 1569 гг. представляются заимствованными изъ чуждыхъ литовской жизни источниковъ,

и борьба противоположныхъ началъ въ литовской жизни проходить невидимою, безслѣдною, скрытою отъ глазъ наблюдателя.

Разсматривая отдѣльныя стороны литовскаго строя, С. А. Бершадскій даетъ здѣсь свое объясненіе нѣкоторымъ изъ нихъ. Такъ онъ утверждаетъ, что началами, лежащими въ основѣ территориальнаго дѣленія великаго княжества—была реализація насущныхъ потребностей государства, т. е. защиты населенія отъ внѣшнихъ враговъ, расширеніе вооруженною рукой границъ, содержаніе военной силы при помощи повинностей и податей, охраненіе мира и отправленіе правосудія, въ связи съ самостоятельнымъ экономическимъ положеніемъ великаго князя, какъ вотчинника земель, отчасти прибрѣтенныхъ мечомъ, отчасти имъ самимъ колонизованныхъ, отчасти поступившихъ подъ его власть по наслѣдству или договору отъ прежнихъ государей.

Самостоятельными работами по исторіи литовскаго права явились два изслѣдованія, изданныя особыми книгами: „О наслѣдованіи въ выморочныхъ имуществѣхъ по литовскому праву“. С.-Пб. 1892 г., стр. 94 и „Литовскій статутъ и польскія конституціи“. С.-Пб. 1893 г., стр. 114. По поводу перваго изслѣдованія я имѣлъ уже случай говорить отдѣльно и на страницахъ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія*¹⁾; второе—составляетъ, по преимуществу, отвѣтъ на мои положенія и выводы. Я, за неимѣніемъ свободнаго времени, будучи отвлеченъ срочными работами, до сихъ поръ не отвѣтилъ С. А. Бершадскому, но я и по настоящее время остаюсь при мнѣніи и взглядахъ, высказанныхъ въ моихъ замѣткахъ. Оба изслѣдованія С. А. Бершадскаго находятся въ тѣсной между собою связи.

Въ нихъ, кромѣ разныхъ второстепенныхъ положеній, авторъ защищаетъ слѣдующія коренныя:

1. Послѣ Люблинской уніи 1569 г. обязательны были для Литвы только тѣ сеймовыя конституціи, въ которыхъ прямо было сказано, что онѣ касаются Литвы; а потому невѣрно мнѣніе (отстаиваемое мною), что всѣ сеймовыя конституціи (послѣ 1569 г.) имѣли обязательную силу для Литвы, если въ нихъ не было оговорки, что онѣ дѣйствительны только для Польши или какой нибудь другой мѣстности Рѣчи Посполитой. Последнее положеніе, говоритъ С. А. Бер-

¹⁾ Къ вопросу объ изданіяхъ Литовскаго статута. Спб. 1893 г., стр. 78; Къ исторіи литовскаго права послѣ третьяго статута. *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1893. X и отдѣльно.

шадскій, противорѣчить общепринятой теоріи о дѣйствиі законовъ во времени и пространствѣ.

2. По вопросу о наследованіи въ выморочныхъ имуществахъ въ Литвѣ могли руководствоваться только третьимъ статутомъ, и не могли пользоваться конституціей 1588 г. о выморочныхъ имуществахъ, какъ это я доказываю.

3. Наследованіе въ Литвѣ неограничивалось никакою степенью, тогда какъ я доказываю, что выморочность наступала при отсутствіи наследниковъ въ 8-й степени.

4. Счетъ степеней въ Литвѣ былъ католическій каноническій, а не гражданскій или каноническій православный.

Вопроса о значеніи латинскаго слова *gradus*, переводимаго въ польскихъ актахъ словомъ *stopień*, *rokolenie*, я не затрогивалъ, такъ какъ значеніе этого слова было для меня вполне ясно, а юридическое его толкованіе старинныхъ польскихъ юристовъ вполне определено: въ февральской книжкѣ „Журнала Юридическаго Общества“ пр. А. Х. Гольметень посвятилъ этому вопросу нѣсколько страницъ и дѣлаетъ выводъ что *gradus* понималось въ Польшѣ въ смыслѣ *коляна*, а что исчисленіе родства было поколѣнное (39). На это считаю нужнымъ пояснить, что въ польскомъ языкѣ слово *stopień* (степень) и *rokolenie* (колѣно) были синонимами слова *gradus*. Въ этомъ, конечно, легко убѣдиться, познакомившись со старинною польскою литературой. Вотъ, хотя одинъ примѣръ: Скарга въ сочиненіи *Roczne Dzieje* (Краковъ 1607) говоритъ: *Jedni rokolenie pierwsze kładli w oycu y matce, a wtore między rodzoną bracią: iako to Iuristowie dla wstępowania na dziedzictwo czynili: Kościół s stopnie te clesniey postawił, y oycu z matką nie licząc, ale, iako za korzeń krewnosci kładąc, pierwszy stopień i pokolenie między rodzonemi braty y siostry postawił.* (стр. 1044).

То-есть: „Одни первое *коляно* считаютъ въ отцѣ и матери и второе между родными братьями, какъ это дѣлаютъ юристы при опредѣленіи правъ наследованія. Св. церковь эти степени сдѣлала болѣе тѣсными и не считая отца и матери, принимая изъ за корень родства, опредѣлила первую степень и колѣно между родными братьями и сестрами“. Дѣйствительно, старинные польскіе юристы въ гражданскихъ дѣлахъ признавали счетъ гражданскій. Такъ извѣстный ученый юристъ и профессоръ XVII вѣка Ф. Дрезнеръ говоритъ: *Quod ad computationem civilem attinet... In collateralis seu ex transverso linea tot erunt gradus quot personae, numeratis intermediis, una quoque dempta.* (Inst R. Pal.

Libri III. 1613). Онъ же, при томъ для образца прилагаетъ генеалогическое дерево, которое прилагалось впоследствии и при литовскомъ статутѣ. Тотъ же взглядъ проводится во всѣхъ старинныхъ университетскихъ курсахъ, которыхъ сохранилось много въ библиотекѣ Краковскаго университета. Что же касается Литвы, то едва ли возможно допустить въ православно-русской Литвѣ третьяго статута (1588 г.) католическій счетъ, а не православный Кормчей книги. Принявъ же мнѣніе С. А. Бершадскаго и проф. Гольмстена, мы должны признать окатоличеніе Литвы до брестской уніи.

5. Выморочность не наступала при наличности наслѣдниковъ изъ той или другой линіи (то-есть, материнской или отцовской), то-есть при отсутствіи наслѣдниковъ изъ рода отца имущество переходило въ родъ матери и обратно—въ чемъ мы оба согласны.

Въ защиту положеній С. А. Бершадскаго выступилъ ветеранъ исторіи литовскаго права проф. Леонтовичъ. Вопросы, поднятые С. А. Бершадскимъ, очень сложны, требуютъ разрѣшенія многихъ побочныхъ вопросовъ, а для этого собрано очень мало матеріала. Такъ до сихъ поръ неизданъ еще дневникъ сейма, во время котораго былъ королемъ утвержденъ третій статутъ и на которомъ была обнародована конституція о выморочныхъ имуществахъ. Мнѣ только на дняхъ удалось достать рукопись дневника этого сейма, и на основаніи его окончательно рѣшается вопросъ о томъ, что третій статутъ не былъ утвержденъ сеймомъ, а слѣдовательно только королемъ. Опровергается, на основаніи дневника, и мнѣніе С. А. Бершадскаго, что литовскіе чины до принесенія присяги (то-есть, до 27 января 1588 г.) не могли принимать участія въ засѣданіяхъ сейма. Они, по дневнику, принимали участіе въ дѣлахъ сейма уже 13-го января 1588 г.,—а 27-го января принесли только присягу Сигизмунду III, какъ вновь избранному королю.

Вообще всѣ вопросы, затронутые здѣсь С. А. Бершадскимъ, требуютъ еще серьезной разработки, и я надѣюсь вернуться къ нимъ вскорѣ снова, воспользовавшись набравшимися у меня для этого новыми матеріалами.

По своему официальному положенію С. А. Бершадскій былъ извѣстенъ, какъ профессоръ энциклопедіи и исторіи философіи права, какъ непосредственный преемникъ профессора Рѣдкина. По этой специальности С. А. Бершадскій напечаталъ—Очеркъ исторіи философіи права. Вып. I, стр. 266, сначала (въ 1889 г.) исключительно для студентовъ, а потомъ (въ 1892 г.), вторымъ изданіемъ,

и для публики. Въ этой области я совсѣмъ не компетентенъ, и долженъ только указать на рецензію, помѣщенную на страницахъ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* (1893 г., I) Э. Л. Радловымъ. По отзыву рецензента — книгу Бершадскаго можно назвать первымъ русскимъ курсомъ по исторіи философіи права и какъ первая новинка она заслуживаетъ полнаго вниманія.

Горячо преданный преподавательской дѣятельности и своимъ спеціальнымъ ученымъ работамъ, С. А. Бершадскій живо интересовался всѣмъ выдающимся и въ областяхъ, далеко стоящихъ отъ излюбленнаго имъ предмета. Его живой и воспримчивый умъ не могъ ограничиться сухою буквою тѣхъ старыхъ актовъ, среди которыхъ онъ проводилъ свое, свободное отъ служебныхъ обязанностей, время. Его художественно воспитанная и творческая натура изъ мертвыхъ актовъ создавала живыхъ людей, дѣйствительную обыденную жизнь, подъ его перомъ воскресали старыя времена и въ его малѣйшей замѣткѣ мы чувствуемъ себя въ обществѣ тѣхъ людей, которые жили иногда за 400 лѣтъ до насъ. Образность изложенія, живость слога составляютъ весьма характерную черту въ ученыхъ произведеніяхъ С. А. Бершадскаго. Этому много способствовала его любовь къ искусству вообще, а главнымъ образомъ къ живописи, и къ фотографіи: онъ былъ прекраснымъ любителемъ-фотографомъ, а при его умѣнн владѣть кистью—его фотографіи выходили художественными произведеніями. Такое соединеніе художника и фотографа видно и во всѣхъ его историческихъ работахъ. Фотографическая точность фактовъ съ художественною отдѣлкой давали цѣльную картину, иногда можетъ быть немножко украшенную—съ одной стороны слишкомъ свѣтлую, съ другой можетъ быть немного затемненную. Но историкъ имѣя вѣрную копию, сумѣетъ легко устранить тѣни, а яркій свѣтъ надлежащо отстранить, оставивъ навсегда вѣрное основаніе.

С. А. Бершадскій скончался во цвѣтѣ лѣтъ, въ полномъ развитіи физическихъ и умственныхъ силъ, обогащенный громадными свѣдѣніями и большою эрудиціей. Всѣмъ ближе его знавшимъ казалось, что ему суждено было долго, долго работать на пользу науки, но недугъ подтачивалъ его мощныя силы, и его друзья уже съ нѣкотораго времени сильно побаивались за исходъ его болѣзни. И вотъ неумолимая смерть вырвала у насъ преждевременнаго прекраснаго, гуманнаго челоувѣка и серьезнаго ученаго, который несомнѣнно далъ бы наукѣ очень много цѣннаго и важнаго.

С. Шташницкій.